

Целинный урожай

Летом 1956 года отец отправился в ритуальный объезд сельскохозяйственных областей. Начал он с сибирской целины. В отличие от прошлого года погода там благоприятствовала, урожай секретари обкомов обещали хороший. Отец решил удостовериться.

20 июля он выступает перед аграриями в Свердловске (Екатеринбурге). 23 июля он уже в Новосибирске, на совещании работников сельского хозяйства Сибири. Оттуда переезжает в Казахстан, сначала 28 июля – в Алма-Ату, а 30 июля – в центр Целинного края, Кустанай.

Целина порадовала отца, на сей раз погода не подвела. В Казахстане засыпали в зернохранилища заветный миллиард пудов зерна и на этом не остановились.

Отец считал миллиардный урожай знаковым, подтверждавшим успешность и значимость целинной эпопеи. В 1956 году отрапортовали о сдаче одного миллиарда трехсот сорока миллионов пудов (21,4 миллиона тонн), в 15 раз больше, чем здесь заготавливали до 1954 года.

В дополнение к казахстанской сибирская целина дала еще 2 миллиарда 4 миллиона пудов зерна (чуть больше 32 миллионов тонн). Хлебная житница страны уверенно перемещалась на восток, обгоняя и Украину, и Поволжье, и Причерноморье.

«Это, товарищи, огромная победа, будут удовлетворены основные потребности в зерне, и притом в высококачественном зерне, – делился отец своей радостью по возвращении из поездки по Сибири и Казахстану с москвичами. – Если пока еще есть нарекания, что к концу (1955) года в некоторых городах уменьшилась выпечка белого хлеба за счет увели-

чения выпечки темного и черного хлеба (как следствие неурожаев 1954 и 1955 годов), то урожаем этого (1956) года обеспечит страну пшеницей. Любители белого хлеба могут радоваться».

Могли радоваться не только любители белого хлеба, вздохнуло с облегчением и правительство. Я уже писал, что в связи с неурожаем государственные резервы зерна в прошлом, 1955 году, снизились до опасной черты – 3,7 миллионов тонн. В три раза меньше, чем требовалось для прокорма страны в течение года в случае несчастья: войны, недорода, стихийных бедствий. Урожай 1956 года позволил вернуть государственные резервы к приемлемому уровню, они увеличились до 9,3 миллиона тонн.

В ознаменование победного урожая в октябре 1956 года учредили медаль «За освоение целины», награждали ею всех: и оседлых жителей, и студентов, приезжавших туда на пару месяцев на уборку. Отец с гордостью носил свою «Целинную» медаль, ценил ее наравне с боевыми орденами, полученными за Сталинград и Курскую битву.

В тот год отец расщедрился – Нечерноземье, российское, белорусское, прибалтийское, освободили от обязательных поставок зерна государству. Госплан подсчитал, что прибытку от их ржи и пшеницы чуть, и отец решил – пусть они выращивают то, что на их землях лучше получается: овощи, картошку, а главное – разводят коров и свиней. И им выгоднее, и стране. Решив, как он считал, зерновую проблему, отец следующей важнейшей задачей считал увеличение производства мяса, молока, масла, не уставал повторять: «Не хлебом единым жив человек».

Рачительный хозяин, отец, косясь по стране, вмешивался во все, пытался навести хотя бы относительный порядок, подталкивал местных руководителей, стремился еще хоть немного уменьшить энтропию. Порой его вмешательства приносили пользу, иной раз он рубил сплеча и наоборот наносил вред, но энтропия, снизившись за прошедшие два года, больше уменьшаться не желала. Среднее звено руководителей за это время адаптировалось к Хрущеву, перестало его бояться: он не Сталин, в лагерь их не заточит – и научилось обманывать. Они «отсиживали» срок на зональных совещаниях, когда следовало – аплодировали и разъезжались по своим «уделам». Не скажу, что зональные совещания-собрания не приносили пользы – приносили, но много меньше, чем рассчитывал отец.

Огромный целинный урожай обнажил новую, но вполне предсказуемую проблему: зерно оказалось негде хранить. Не то что элеваторов, но и простых крытых зерноскладов не успели построить. А может быть, местные казахстанские начальники и не спешили их строить, выжидали, когда Москва угомонится и они смогут вернуться к своим баранам.

Зерно ссыпали холмами на утопанные земляные площадки, накрывали его брезентом. Не мудрено, что с наступлением холодов значительная часть урожая погибла. Как и в урожайном на целине 1954 году, внесли свою лепту и дороги, вернее, их отсутствие. Зерно, с верхом насыпанное в открытые кузова грузовиков, везли с ветерком, его сдувало, рассыпало по обочинам, особенно когда машину подбрасывало на ухабах. Брезента же, чтобы укрывать зерно еще и в кузовах, не доставало, он весь ушел на временные «хранилища».

Отец знал, что происходит на целине. Знал и хорошее, и плохое.

Проблему дорог они обсуждали на Пленуме ЦК еще в 1954 году, но зерно стране требовалось немедленно, а на предварительное обустройство целины ушли бы годы. Он считал, даже если мы потеряем процентов сорок урожая, то шестьдесят-то останется, этого достаточно, чтобы закрыть сегодняшние прорехи, снять хлебный голод в стране. А там и элеваторы подспеют, и дороги построим, и поселки возведем.

В 1956 году освоение целинных земель практически завершилось. Распахали все, что следовало распахать и даже то, что распашке не подлежало. В Казахстане за два года освоили 18 миллионов гектаров новых земель. В Сибири – 15 миллионов. Часть вновь «освоенных» территорий пришлась на солончаки, их немало в околостепных районах Казах-

стана. Пахать их – впустую время терять, но новое казахстанское руководство во главе с Брежневым думало не о землях, а о докладах в центр. Москва же, в том числе и отец, в свою очередь подталкивали их «осваивать» все, что еще «не освоено». Теперь пришла расплата – началось засоление полей, на покрытых соляной сыпью землях не родилось ничего, и их приходилось исключать из оборота, возвращать в первозданное, «целинное», состояние.

Засоление – не уникальное казахское явление, на несколько десятилетий ранее с ним столкнулись и американские фермеры, осваивавшие целину у себя на Среднем Западе. В результате распашки верхнего слоя почвы скопившаяся в глубине соль по вновь открывшимся порам поднимается на поверхность. Борьба с засолением – дело дорогостоящее и не очень эффективное. Соль обычно смывают с поверхности поля водой, если, конечно, есть вода, но после каждой промывки ее еще больше выталкивается из земли. Земля как бы потеет. Так происходит на «больных» землях, которые и трогать не следовало. Здоровые поля с незасоленной почвой, естественно, так и оставались здоровыми.

Но не только засоление полей грозило целине, «зоне рискованного земледелия» – так наравне с Канадой и Аргентиной в науке называют районы, где засухи регулярно и непредсказуемо чередуются с благоприятствующей урожаю погодой. Специфичность этих регионов требовала и своей специфической агротехники. Я уже писал о разных подходах к целине полевода Мальцева и академика Лысенко. Отец считал, что пришла пора всерьез заняться особенностями «рискованного земледелия». В 1956 году в Шортандинском районе Целиноградской области на 60,8 тысячах гектаров, в том числе 47 тысячах гектар пахоты, образуется научный центр, «ориентированный на создание системы земледелия для засушливых и эрозионных районов». Возглавил ее энтузиаст целины, будущий академик, а пока просто агроном – Александр Иванович Бараев. Отец познакомился с Бараевым недавно и относился к нему с уважением, иначе его не назначили бы на такой пост, но спорили они до изнеможения. Отец не раз под горячую руку порывался снять его с поста директора института, но не снял. Снова соглашался с ним и снова спорил. И так до самого конца своей карьеры.

Несмотря на создаваемые на востоке страны научные центры, появление новых громких имен в сельскохозяйственной науке, целина еще преподнесет немало сюрпризов. Только с годами, во многом повторив ошибки американского освоения прерий, целинники приносятся к ее непростому характеру.